
**АРКТИКА:
НОВЫЙ РЕГИОН МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

DOI:10.20542/0131-2227-2015-2-106-114

ТРАНСАРКТИКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

© 2015 г. Е. Лабецкая

Арктической проекцией метаморфоз глобализации стало формирование в этом макрорегионе виртуального транснационального политического пространства – ТРАНСАРКТИКИ (ТА). В статье на основе концепта пространства анализируются перспективы обретения Россией новых форматов глобального взаимодействия через взаимовыгодное транснациональное партнерство в Арктике. Рассматриваются возможности реализации в ТА евразийских и арктических преимуществ РФ как ключевого элемента глобального сопряжения Трансатлантического и Транстихоокеанского пространств.

Ключевые слова: Арктика, глобализация, UNCLOS, национальные интересы, политическое пространство, регионализация, суверенитет.

Статья поступила в редакцию 11.06.2014.

В апреле 2014 г. арктическая тема в российском дискурсе приобрела новое звучание. На специальном расширенном заседании Совбеза РФ “О реализации государственной политики РФ в Арктике в интересах национальной безопасности” президент В.В. Путин поставил цель “качественно усилить” позиции России в Арктике, четко и последовательно “выдерживать этот вектор в государственной политике, в нашем стратегическом планировании”. В разряд приоритетов выдвинута задача “не отставать от партнеров, сохранять российское влияние в регионе, а где-то и опережать наших партнеров”¹.

Новый взгляд на арктический международный макрорегион обусловлен, в том числе, необходимостью нейтрализовать попытки изолировать Россию от процессов глобального управления (ГУ). Их проявлением, в частности, стал “демонтаж” G-8 до уровня G-7. Контрмерой России на это могло бы стать использование процессов транснационализации для реализации ее пространственно-геополитических преимуществ. Речь идет об инициации создания новых международных институтов и механизмов, “лидерство в разработке принципов функционирования” которых, как верно подмечено Ф.Г. Войтоловским, предоставило бы РФ, помимо вышесказанного, и “важное средство международной конкуренции” [1, с. 79].

Своеобразным “испытательным полигоном” для этого мог бы стать арктический макрорегион, с его виртуальным транснациональным политическим пространством (ТНП) – ТРАНСАРКТИКОЙ (ТА) – *Trans-Arctic*. Безусловно, тенденции к транснационализации в Арктике, становление ТА сопряжены с серьезным вызовом российскому экспертному сообществу и политическому руководству. С одной стороны, РФ не может поступиться своими национальными интересами, пойти на сужение своих прав и полномочий в зонах, на которые распространяются ее суверенитет и юрисдикция. С другой стороны, формирование нового глобального режима управления в Арктике дает шанс для упрочения лидерства России, крупнейшей арктической державы, в этом полярном районе, ибо “привносимые им социально-экономические и политико-репутационные дивиденды могут быть предельно высоки” [2, с. 127].

Теоретик транснационализма Р. Кеохейн утверждал, что анализировать мировую политику 90-х годов XX в. – значит обсуждать международные институты [3]. Сегодня с не меньшим основанием его тезис можно развить: анализировать мировые процессы XXI в. – значит обсуждать проблемы ТНП. К тому же сопряжение в общечеловеческих интересах разных ТНП дает оптимальную синергическую модель ГУ. Исходя из этого рассмотрим ТА – виртуальное ТНП мирового Заполярья.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

“Применение концепта пространства, – правомерно утверждает И.Л. Прохоренко, – представляет уникальные возможности чрезвычайно

ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (lbtskaya@imemo.ru).

¹ Сайт Президента РФ. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/20845> (accessed 22 April 2014).

широкого и многостороннего изучения явлений политической жизни” [4, с. 72]. Обращение к категории пространства как явлению, стремительно усложняющемуся функциональной и социальной структурой современного общества, поддерживает М.В. Стрежнева, отстаивая важность “осознания происходящего сжатия пространства и времени, ведущего к реорганизации общественно-политических отношений в мире, где заметнее становятся негосударственные акторы, чья активность преодолевает национально-государственные границы” [5, сс. 7-9].

Принимая при изучении транснационализации Арктики политическое пространство в качестве эффективного концепта, будем опираться на предложенную Н.А. Косолаповым дефиницию “пространства”, как «части организационной “надстройки” над данной территорией, в которой данные пространственные формы и отношения не просто присутствуют время от времени, но утвердились на повседневной основе» [6, с. 8].

Иными словами, ТА – отнюдь не совокупность национальных территорий “приарктических государств”, а виртуальное пространство, складывающееся в реалиях трансграничного взаимодействия разноуровневых акторов на основе формальных/неформальных механизмов. ТА характеризуется процессом транснационализации преимущественно по горизонтали. Будучи еще “разреженной” на нынешнем этапе своего развития, ТА вместе с тем обладает контурами и многоуровневого порядка, чреватого вызовами региональной межгосударственной системе со стороны субъектов транснационализации. Впрочем, арктические государства, вовлеченные в этот процесс, пока сохраняют главенствующие позиции.

Значение транснационализации тающих и ледовых просторов Арктики столь велико, что известный тезис Х. Маккиндера с полным основанием можно перефразировать: “Кто владеет трансарктическими артериями, тот владеет миром”. Именно вокруг Северного морского пути (СМП) России и Северо-Западного прохода (СЗП) Канады, своеобразного “арктического моста”, соединяющего ТА с Трансатлантическим и Транстихоокеанским пространствами, идут серьезные политологические и юридические дебаты [7, с. 13; 109].

Арнольд Уолферс, его последователи Джозеф С. Най мл. и Роберт Оуэн Кеохейн обуславливали транснационализацию участием в мировой политике, наряду с акторами-государствами, негосударственных игроков, порою столь влиятельных, что они могли составить сильную конкуренцию

даже государствам [8, р. 330]. Это важно учитывать при разработке российской стратегии в ТА, где все отчетливее просматривается независимая транснациональная деятельность негосударственных субъектов (добывающих, транспортных, торговых, производственных, страховых ТНК², международных НПО), а также игроков из числа влиятельных государств-“внерегionalов”. Их глобальное взаимодействие осуществляется по коммуникационно-информационному, логистическому, финансово-экономическому, экологическому, межличностному (включая туризм) направлениям и в сфере обеспечения безопасности (организация поиска и спасения в арктической зоне).

СУБЪЕКТЫ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Остановимся на наиболее значимых элементах управленческой системы ТА. Сложившийся здесь под воздействием глобализации достаточно широкий круг разноуровневых акторов пока группируется вокруг Арктического совета (АС), который вполне можно считать системообразующим элементом ТА. Здесь формируются механизмы ГУ экономическими, политическими, социальными процессами. Прослеживается и тенденция ролевой трансформации системы управления на основе единства и борьбы противоположностей. В ТА имеют место сплетение и конкуренция субъектов управления – национальных и международных, региональных и глобальных.

АС учрежден в 1996 г. в мировом Заполярье “арктической восьмеркой”³ (А-8) в целях регулирования охраны окружающей среды и обеспечения устойчивого развития. По мере его организационного становления (создание в норвежском городке Тромсе Постоянного секретариата, расширение числа наблюдателей-“внерегionalов” и, соответственно, объектов регулирования, придание решениям Совета обязательного характера) усиливается тенденция превращения АС в некое “арктическое правительство”. Его первым транснациональным актом можно считать подписанное А-8 в 2011 г. юридически обязывающее Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике.

² В разные периоды времени в той или иной степени интерес к ТА проявляли такие мощные ТНК, как *Shell*, *British Petroleum*, *ExxonMobil*, *Total*, *Chevron*, британская *Cairn Energy*, российские гиганты “ЛУКойл”, “Газпром”, “Роснефть”.

³ А-8 – Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция.

Документ закрепил за неформальными лидерами АС – “приарктической пятеркой”⁴ (А-5) – индивидуальную зону спасательно-поисковой ответственности в рамках их исторических “секторальных” юрисдикций. В 2013 г. АС пополнил юридическую базу ТА Соглашением по реагированию на разливы нефти, принятом на заседании глав внешнеполитических ведомств государств – членов АС в шведском городе Кируна.

Тщательность проработки в Совете статуса **постоянных участников** и различных категорий присутствующих в нем **наблюдателей** отражает серьезную озабоченность А-8, прежде всего лидирующей А-5, сохранением контроля над ТА. Не случайно в Илулиссатской декларации, принятой А-5 в 2008 г. в Гренландии на конференции по Северному Ледовитому океану (СЛО), констатируется отсутствие “необходимости в разработке нового всеобъемлющего международного правового режима для управления”⁵ СЛО. Между тем расширение в АС института наблюдателей из числа “внерегionalов” свидетельствует не просто об увеличении числа субъектов, стремящихся стать причастными к транснациональному режиму управления, но и отражает усиливающиеся процессы сопряжения ТА с другими ТНП.

Постоянным участникам АС предоставлено право принятия решений наряду с правительствами стран-учредителей. Им обладают шесть организаций коренных народов Арктики⁶. Статус **наблюдателя** предоставляется на четыре года с возможностью последующего продления (при необходимости отзыва) государствам-“внерегionalам”, межправительственным и межпарламентским структурам, а также специализированным организациям, включая НПО. При этом наблюдателям **вменяется в обязанность признание суверенитета и суверенных прав А-8, ограничивается их финансовая вовлеченность в дела АС объемами финансирования, выделяемого А-8.**

На данный момент в число наблюдателей также входят девять межправительственных и межпарламентских организаций.⁷ Статус наблюдателя

имеют и 11 НПО преимущественно эколого-гуманитарной направленности⁸.

Особо выделим учрежденную в 1991 г. международную НПО губернаторов северных регионов – Северный форум (СФ) и организации коренных народов Арктики. Их участие в управлении ТА в полной мере отражает тенденцию глобализации, подмеченную еще П. Норрисом, – превращение жителей в многонациональных граждан [9]. Коренные малые народы Арктики уже выходят на тот уровень, где их интересы не могут быть проигнорированы, и таким образом становятся еще одним “центром принятия решений в новой многовластной системе принятия национальных и международных решений” [10, p. 31].

В ТА мы получаем новую проекцию федерализации современных международных отношений. Отдельные федеральные субъекты государств А-8 и стран-“внерегionalов” реализуют общие интересы на трансграничном уровне, что отнюдь не означает выпадения из системы межгосударственных отношений. Их национальные государства становятся “модераторами” этих взаимодействий на “площадке” АС. Примечательно, что вовлеченность поднациональных субъектов Азии в транснационализацию циркумполярной зоны оказалась глубже, чем в АС: КНР, Япония и РК получили статус наблюдателя

Cross, IFRC), Международный союз охраны природы (*International Union Conservation of Nature, IUCN*), Северный совет (*Nordic Council, NC*), Северная экологическая финансовая корпорация (*Nordic Environment Finance Corporation, NEFCO*), Североатлантическая комиссия по морским млекопитающим (*North Atlantic Marine Mammal Commission, NAMMCO*), Постоянный комитет парламентариев Арктического региона (*Standing Committee of Parliamentarians of the Arctic Region, SCPAR*), Европейская экономическая комиссия ООН (*United Nations Economic Commission for Europe, UNECE*), Программа развития ООН (*United Nations Development Programme, UNDP*) и Программа ООН по окружающей среде (*United Nations Environment Programme, UNEP*).

⁸ Консультативный комитет по защите морей (*Advisory Committee on Protection of the Sea, ACOPS*), Портал циркумполярной Арктики (*Arctic Circumpolar Gateway, ACG*), Ассоциация оленеводов мира (*Association of World Reindeer Herders, AWRH*), Союз по сохранению Приполярной Арктики (*Circumpolar Conservation Union, CCU*), Международный арктический научный комитет (*International Arctic Science Committee, IASC*), Международная Арктическая ассоциация социальных наук (*International Arctic Social Sciences, IASSA*), Международный союз охраны здоровья в Приполярье (*International Union for Circumpolar Health, IUCH*), Международная рабочая группа по делам коренных народов (*International Work Group for Indigenous Affairs, IWGIA*), Северный форум (*Northern Forum, NF*), Университет Арктики (*The University of the Arctic, UArctic*), Всемирный фонд дикой природы (*World Wildlife Fund, WWF*).

⁴ А-5 – Гренландия/Дания, Канада, Норвегия, Россия, США.

⁵ *Ilulissat Declaration*. Available at: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf (accessed 07 February 2014).

⁶ Циркумполярная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Арктический совет атабасканов, Международный совет гвичинов.

⁷ Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (*International Federation of Red*

в АС в 2013 г., а их северные провинции работают в СФ с XX в.

ТА присущ комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных, научных, международных и социальных связей. Регулируется он как по горизонтали (между циркумполярными хозяйственными, научными и властными структурами), так и по вертикали (через международные/глобальные организации). Есть зачатки **циркумполярной (трансграничной) интеграции** в виде международных структур коренных народов Заполярья, развития сетевых университетов, разработки межкультурного диалога, единой экономической политики, мер по охране окружающей среды и природопользования. Институциональное оформление идет по линии СФ, который самопозиционируется как субрегиональный аналог АС⁹. Получив аккредитацию в ООН в 1992 г., СФ стал стратегическим партнером Глобального экологического форума, сотрудничает с *UNEP* и *UNDP*, тесно взаимодействует с рабочими группами АС¹⁰. СФ и АС совместно трудятся над созданием международного бизнес-форума в рамках АС.

О масштабе интересов СФ свидетельствуют его постоянные совместные проекты: “Северный морской путь”, “Восточно-Западные и циркумполярные авиалинии”, “Управление дикой природы”, “Управление людскими ресурсами”, “Мониторинг окружающей среды”, “Создание Банка реконструкции и развития Арктики”, “Академия наук Северного форума”. Под эгидой СФ работает Ассоциация северных университетов.

В массив международных установлений ТА также входят/входили основополагающие международные Конвенции, Программа “Глобального партнерства” *G-8* (в части утилизации атомных подводных лодок российского Северного

флота и охраны окружающей среды), российско-американско-норвежская программа “Арктическое военно-экологическое сотрудничество” (*Arctic Military Environmental Cooperation, АМЕС*). Особняком стоят национальные стратегии *A-5*, включая утвержденную 20 февраля 2013 г. “Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.”¹¹. Де-юре эти документы для акторов ТА необязательны, но де-факто их учитывают.

Примечательно, что в разделе российской Стратегии, посвященном международному сотрудничеству и сохранению Арктики как зоны мира, транснациональную проекцию имеют лишь аспекты логистики, касающиеся содействия в организации и эффективном использовании транзитных и кросс-полярных воздушных маршрутов в Арктике, использования СМП для международного судоходства в рамках юрисдикции РФ и в соответствии с ее международными договорами. Реализация стратегии разбита на два периода – до 2015 и до 2020 г. (завершающий этап). В данных временных рамках заложенная в Стратегию концепция оправдана, ибо сотрудничество еще идет в традиционной международной системе координат с преимущественно межгосударственным взаимодействием на основе международного права. Разработка же Стратегии на период после 2020 г., видимо, потребует своевременного учета тенденций транснационализации Арктики. В этом контексте “обширное поле для концептуальной и практической проработки идей касательно международного взаимодействия в целях обеспечения безопасности и соразвития”, упомянутое В.Г. Барановским в отношении сопряжения *Trans-Atlantic* и *Trans-Pacific*, правомерно было бы распространить и на *Trans-Arctic* [11, с. 296].

АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ ТНП

В 90-е годы XX в. российско-канадское взаимодействие в сфере логистики дало импульс качественному преобразованию арктического макрорегиона, наращиванию его глобального потенциала. Стороны создали “Арктический мост”, связавший два транспортных узла – российский Мурманск на Кольском полуострове и канадский Черчилл в Гудзоновом заливе. Первый транспорт прошел в 2007 г. Этот сезонный морской маршрут, увязанный с железнодорожными и авиационными линиями в европейской части России

⁹ В Северный форум входят от РФ – Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, Санкт-Петербург, Мурманская обл. (наблюдатель), Камчатский край (намерен восстановить членство), от Канады – Альберта, Юкон, Северо-Западные территории, Квебек, исландский г. Акурейри, Региональное управление Северной Норвегии, финская Лапландия, шведские губернии Вестерботтен и Норрботтен. Азия представлена провинциями Кангвон-до (Южная Корея), Хейлунцзян (КНР), Дорнод (Монголия), о. Хоккайдо (Япония).

¹⁰ Группы по сохранению арктической флоры и фауны (*Conservation of Arctic Flora and Fauna, CAFF*), по устойчивому развитию в Арктике (*Sustainable Development Working Group, SDWG*), по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (*The Emergency Prevention, Preparedness and Response Working Group, EPPR*).

¹¹ Сайт Правительства РФ. Available at: <http://archive.government.ru/docs/22846/> (accessed 13 February 2014).

и на всей территории Канады, обеспечивает сопряжение ТА с Североамериканским и Европейским ТНП. С торгово-экономического ракурса просматривается сопряжение НАФТА с ЕС. Перспектива может расширяться в случае реализации озвученной на саммите Россия–ЕС в январе 2014 г. инициативы по формированию к 2020 г. зоны свободной торговли между ЕС и вступающим в силу с 1 января 2015 г. ЕАЭС. В контексте глобализации при благоприятных политических условиях в далекой перспективе возможно становление общего ТНП, связывающего Европу, Азию и Северную Америку, не в последнюю очередь через их арктические зоны.

С точки зрения процесса сопряжения ТНП, важным событием стало предоставление в 2013 г. статуса наблюдателя в АС азиатским государствам – КНР, РК, Японии, Сингапуру и Индии – и отсрочка до следующей сессии решения о представлении такового ЕС (под предлогом разногласий относительно важного для коренного населения Арктики промысла морского котика). Напомним, что арктическая политика ЕС отделена от национальных стратегий европейских государств в А-8, которые явно не жаждут присутствия еврокомиссаров в ТА. Брюссель активизирует свое участие через “Арктическое окно”, инициированное Гренландией в политике “Северного измерения” (СИ). Окно “смотрит” в сторону циркумполярного арктического региона с ракурса охраны окружающей среды, устойчивого развития и исследования Арктики. Каналом продвижения политики СИ стал учрежденный в 2007 г. Форум парламентариев СИ, важный пункт повестки дня которого – подготовка Хартии арктического управления.

Прочной скрепой циркумполярного Севера с АТР на протяжении десятилетий остается Северный Форум. Идея его создания зародилась в 1974 г. на I Конференции по среде обитания в северных регионах в г. Саппоро (Хоккайдо, Япония).

Главным логистическим “хабом” сопряжения ТА с *Trans-Atlantic* и *Trans-Pacific* стремится стать Исландия, чей посол в КНР Рагнар Бальдурссон еще в 2011 г. выражал уверенность Рейкьявика в скором “установлении новой линии морского торгового сообщения между Тихоокеанским и Североатлантическим регионами, которая сократит время плавания между портами Китая и Европы/Северной Америки”¹².

¹² *Caïm РСМД*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3085&active_id_11=58#18 (accessed 13 February 2014).

Исландия стремительно интенсифицирует свое транснациональное присутствие в ТА с опорой на “внерегionalов”. В октябре 2013 г. она организовала международную конференцию “Арктический круг”, проявив особый пиетет к “неофитам” АС, прежде всего Китаю и Индии. Транснационализацию Арктики на конференции отстаивал посол КНР г-н Чжао: “Несмотря на свою региональную природу, вопросы Арктики включают и трансрегиональные, например, изменение климата, мореходство и др., для решения которых необходимо объединение усилий международного сообщества” [12, p. 260].

КНР давно на особом счету у Исландии, надеющейся за счет “2-й экономики мира” упрочить свои позиции. В 2010 г. А-5 была шокирована намечавшейся продажей китайскому миллиардеру Хуанг Нубо земельного участка в Исландии в 300 кв. км. Будь сделка заключена, КНР получила бы базу в Арктике и стала бы равноправным партнером арктических “старожилов”. К глубокому удовлетворению последних сделка сорвалась, но исландско-китайское партнерство набирает обороты. В Шанхае, по итогам визита в Рейкьявик в апреле 2012 г. председателя Госсовета КНР Вэнь Цзябао, учрежден Китайско-Скандинавский центр арктических исследований (*Sino-Nordic Arctic Research Center*), подписано двустороннее Соглашение о свободной торговле.

ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕНА

Все акторы структурирующей ТА единодушно акцентируют отсутствие в регионе оснований для конфликта. Однако нюансы их интересов (экономических, военно-политических, стратегических) порой противоречивы, что позволяет констатировать, что ТА присуща не только “драматизация ситуации в регионе в современном арктическом дискурсе”, но и спящий конфликтоген. В этом контексте весьма актуален призыв А.В. Загорского арктическим государствам “предпринимать целенаправленные совместные усилия в целях десекьюритизации арктической повестки дня, для того чтобы их действия, продиктованные понятной реакцией на возникающие в регионе проблемы, были правильно поняты и не давали повода для нагнетания обстановки” [13, сс. 266-267].

Дремлющий конфликтоген отнюдь не закрывает возможности практического сотрудничества в Арктике, прежде всего в сфере спасения на воде, экологической безопасности, организации совместных предприятий по добыче минераль-

ных ресурсов, проведения исследовательских экспедиций, обеспечения трансарктических перелетов. Платформой такого сотрудничества стала Международная морская организация – специализированный орган ООН.

Конфликтоген несет и присущая ТА дихотомия “глобальное/региональное” как арктическая интерпретация базовой категории концепции глобализации. У каждой категории акторов ТА представление об оптимальности соотношения этих двух составляющих единого целого существенно разнятся [14].

Вектор развития ТА неумолимо смещался с отметки “региональное” к отметке “глобальное” и под влиянием эрозии Вестфальского миропорядка. Ее проявлением в Арктике стал процесс полураспада “секторального режима” А-5, поделившей Арктику международными соглашениями на сектора еще в XIX в. На протяжении XX в. А-5 секторальный режим неизменно отставала. Недавно даже стало известно, что в ходе III Конференции ООН по морскому праву, разрабатывавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (*United Nations Convention on the Law of the Sea, UNCLOS*), А-5 в целях сохранения своих “секторальных привилегий” придерживалась негласной договоренности “гасить” любые попытки обсуждения статуса Арктики [15, сс. 27-28]. Ратификация Россией *UNCLOS* в 1997 г. и последующая в 2001 г. подача ею официального представления в соответствующую Комиссию ООН для определения внешних границ своего континентального шельфа де-факто подорвали “секторальный режим”.

В арктическом контексте проявилась проблема трансформации классического понимания концепции суверенитета. ТА присущи практически все подмеченные Э.Г. Соловьевым вызовы, привносящие нюансы в интерпретацию суверенитета: “требования интернационализации дефицитных ресурсов, а возможно, и территорий; усиление международных режимов; расширение транснациональных политических пространств; формирование глобального информационного пространства; глобальные экологические и климатические императивы” [16, сс. 12-14]. Поиск баланса между сохранением региональной идентичности и императивом транснационализации выразился в правовой коллизии между обычным правом, опирающимся в Арктике на “секторальный подход”, и нормами *UNCLOS*.

Бурные дискуссии разворачиваются вокруг вопросов лидерства А-8/А-5 в Арктике и перспектив *UNCLOS* как основы управления СЛЮ, а также

относительно нового правового режима Арктики по типу универсального Договора об Антарктике (1959 г.). Отчасти они стимулируются ростом интереса мирового сообщества к арктическому региону как одному из приоритетных объектов глобализации.

В основе этого интереса – несколько моментов. Во-первых, окончание холодной войны расширило возможности для трансграничного сотрудничества в циркумполярном мире, открыло доступ к арктическим транспортным артериям. Во-вторых, новый виток научно-технического прогресса при осознании человечеством ограниченности ресурсов в легкодоступных районах мира позволил по-новому взглянуть на “Белое безмолвие”. Выяснилось, что здесь сосредоточены десятая часть мировой добычи нефти и четвертая часть добычи газа, а также колоссальные запасы биоресурсов, необходимых для обеспечения чрезвычайно актуальной ныне мировой продовольственной безопасности [17, р. 69]. В-третьих, рост транснационализации циркумполярного мира за счет расширения взаимодействия малых коренных народов Арктики повлек гуманитарно-экономическую диверсификацию на межгосударственном уровне, привлекая в ТА глобальных акторов. В-четвертых, глобальное потепление при наличии технологий освоения глубоководных зон в высоких широтах поставило в мировую повестку дня проблему выделения в СЛЮ особой зоны “Общего наследия человечества”.

С учетом привносимых глобализацией новых вызовов и угроз правомерен тезис С.К. Ознобичева, что “несмотря на прогресс, достигнутый на других направлениях обеспечения региональной и мировой безопасности, сохраняются предпосылки для того, чтобы рассматривать Арктику в качестве возможной арены военных действий” [18, с. 279]. В 2009 г., впервые после окончания холодной войны, тогдашний генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер объявил Арктику стратегическим для альянса регионом. Практически все акторы ТА увязывают свои интересы в Арктике с обеспечением собственной обороноспособности. Этим обусловлено и пристальное внимание РФ к обеспечению своей комплексной безопасности в Арктике, укреплению военной инфраструктуры, в частности созданию в арктической зоне РФ единой системы базирования надводных кораблей и подводных лодок нового поколения¹³. Военные вопросы могут расширить и мандат АС.

¹³ Сайт Президента РФ. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/20845> (accessed 22 April 2014).

РОССИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Для ТА уместны слова, некогда сказанные по поводу Открытого космоса: “Это пространство, в котором межправительственный контроль может быть востребован в виде нового международного права или новой международной организации или того и другого вместе” [8, р. 348]. Инициация Россией в ТА некоего клуба с участием глобальных акторов-“внерегионалов”, прежде всего стратегических партнеров по БРИКС, могла бы стать ее эффективным арктическим “разворотом” (*pivot*). С одной стороны, он компенсировал бы ущерб от краха G-8, а с другой – обеспечил бы достойные крупнейшей приарктической и евразийской державы привилегии.

До сих пор “евразийские дивиденды” РФ в основном связывались с упрочением ее позиций в Тихоокеанской Азии. Но там Россию пока не видят весомым актором. По параметрам своего социально-экономического и военноморского присутствия она, действительно, не дотягивает в АТР до первых мест. Иная картина складывается в ТА, где совокупный российский потенциал не уступает другим представителям А-8. К тому же в ТА “евразийский фактор” становится для РФ “мультипликатором влияния”. Налицо объективная заинтересованность основных акторов ТА, прежде всего “внерегионалов”, в многогранном сотрудничестве с Россией. Речь идет о ключевой роли последней в сопряжении *Trans-Atlantic* и *Trans-Pacific* через логистическую цепочку СЗП–СМП–система рек Восточной Сибири–ТРАНССИБ. Через нее РФ повысит логистическую ценность СМП, что позволит ей модернизировать портовую инфраструктуру на Крайнем Севере, стимулировать развитие своего Дальнего Востока и Восточной Сибири. Трансарктическая скрепа способствовала бы остужению горячих голов в *Trans-Atlantic*, с одной стороны, и обеспечила бы дополнительный импульс интеграционным процессам на евразийском пространстве от Лиссабона до Владивостока, поставленным под вопрос из-за украинских событий, с другой. Эффективным блокатором антироссийской санкционной политики евроатлантических столиц вполне могут стать нефтегазовые ТНК, так как бизнесу не нужен “рико-

шет” в ТА, чреватый в условиях глобализации серьезными убытками.

Рассуждая в категориях политического пространства, можно предположить, что России выгодно допустить в ТА максимальное число своих стратегических партнеров. Сегодня АС гарантирует интересы “регионалов” (А-8/А-5), но вряд ли в условиях глобализации “внерегионалы” будут с этим долго мириться. Скорее всего, они поставят вопрос о расширении своих прав. С учетом этого Москва, действуя на опережение, могла бы предложить такую модель реформирования АС, которая бы основывалась на балансе как национальных интересов РФ, так и ее стратегических партнеров из “внерегионалов”. В то же время контекст современного украинского кризиса свидетельствует, что России необходимо максимально обезопасить себя в ТА от совместного прессинга со стороны США и “евробюрократии”. В этой связи не в интересах РФ поддерживать стремление Евросоюза получить статус наблюдателя в АС. Укреплению российских позиций в ТА способствовало бы развитие контактов с элементами “глобального гражданского общества” в лице активных трансграничных структур коренных народов циркумполярного мира, а также с международными НПО, представленными в ТА.

Появление нового глобального клуба с участием РФ серьезно беспокоит Госдепартамент США. Не случайно его представитель Мари Харф заявила: “Заменить G-8 нельзя, хотя и можно искать альтернативы” [19]. В рамках своего санкционного курса США “атаковали” Россию в ТА по трем азимутам: продавили отказ Канады от участия в рабочей группе АС в Москве в апреле 2014г.; спровоцировали резкое охлаждение и понижение уровня межрегиональных гуманитарных связей Норвегии с Мурманской областью; инициировали под предлогом “российского экспансионизма” [20] ажиотаж вокруг необходимости усиления арктического присутствия НАТО и полного вовлечения в нее Финляндии и Швеции.

Современный геополитический и геоэкономический расклад, видимо, потребует в ТА обновления правового режима, корректировки статуса А-5 в АС. В данном контексте российские интересы фокусируются на превентивной проработке алгоритма глобального управления той системой, которая сменит поствестфальскую, включая моделирование предпосылок в ТА для вхождения РФ в разряд новых балансиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Войтоловский Ф.Г. Интересы России в области формирования принципов и механизмов “глобального управления”. *Внешнеполитические ресурсы модернизации России*. Барановский В.Г., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 104 с. [Voitolovskii F.G. Interesy Rossii v oblasti formirovaniya printsipov i mekhanizmov “global'nogo upravleniya” [The Interests of Russia in the Formation of Principles and Mechanisms of “Global Governance”]. *Vneshnepoliticheskie resursy modernizatsii Rossii* [Russia’s Modernization: Foreign Policy Resources]. Baranovskii V.G., ed. Moscow, IMEMO RAN, 2013. 104 p.] Available at: <http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2013/13044.pdf> (accessed 07.02.2014).
2. Лабетская Е.О. “Конституция морей”: pro & contra. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 9, сс. 121-128. [Labetskaya E.O. “Konstitutsiya morei”: pro & contra [“Constitution of the Seas”: pro & contra]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 9, pp. 121-128.]
3. Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? *Foreign Policy*, 1998, issue 110, pp. 82-96.
4. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств. *Полис*, 2012, № 6, сс. 68-80. [Prokhorenko I.L. O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [Regarding the Methodological Problems of the Analysis of Contemporary Political Spaces]. *Polis*, 2012, no. 6, pp. 68-80.]
5. Стрежнева М.В., отв. ред. *Транснациональные политические пространства: явление и практика*. Москва, Весь Мир, 2011. 376 с. [Strezhneva M.V., ed. *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika*. [Transnational Political Spaces: New Realities of International Development]. Moscow, Ves' Mir, 2011, 376 p.]
6. Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект. *Мировая экономика и международные отношения*, 2005, № 6, сс. 3-13. [Kosolapov N.A. Globalizatsiya: territorial'no-prostranstvennyi aspekt [Globalization: Spatial Aspect]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2005, no.6, pp. 3-13.]
7. Гудев П.А. *Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 201 с. [Gudev P.A. *Konventsiiya OON po morskomu pravu: problemy transformatsii rezhima* [United Nations Convention on the Law of the Sea: Regime Transformation Problems]. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 201 p.]
8. Nye J.S.(Jr), Keohane R.O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 329-349. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2706043> (accessed 06.10.2009).
9. Norris P. Global Governance and Cosmopolitan Citizens. *Governance in Globalizing Word*. Ney J.S.(Jr.), Donahue J.D., eds. Washington D.C., Brookings Institution Press, 2001, pp. 155-177.
10. Ehrenzeller B., Hrbek R., Malinverni G., Thürer D. Federalism and Foreign Policy. *Politorbis*, 2003, no. 1(32), pp. 18-38.
11. Дынкин А.А., Иванова Н.И., отв. ред. *Глобальная перестройка*. Москва, Весь Мир, 2014. 528 с. [Dyunkin A.A., Ivanova N.I., eds. *Global'naya perestroika* [Global Perestroika]. Moscow, Ves' Mir, 2014. 528 p.]
12. Solli P.E, Rowe E.W., Lindgren W.Y. Coming into the Cold: Asia’s Arctic Interests. *Polar Geography*, 2013, vol. 36, no. 4, pp. 253-270. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2013.825345> (accessed 14.03.2014).
13. Загорский А.В. Военная безопасность в Арктике. *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3-х тт.* Под общ. ред. Иванова И.С. Москва, Аспект-Пресс, 2013. Т. I, сс. 256-269. [Zagorskii A.V. Voennaya bezopasnost' v Arktike [Military Security in the Arctic]. *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Khrestomatiya v trekh tomakh* [Arctic Region: Problems of International Cooperation. Reading-Book in Three Volumes]. Ivanov I.S., ed. Moscow, Aspekt-Press, 2013. Vol. I, pp. 256-269.]
14. Лабетская Е.О. ТРАНСАРКТИКА: аспекты глобального управления. *Материалы международной конференции VIII Конвента РАМИ: “Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления”*, 25 апреля 2014 г. Москва, МГИМО, 2014 (в печати). [Labetskaya E.O. ТРАНСАРКТИКА: aspekty global'nogo upravleniya [Trans-Arctic: Aspects of Global Governance]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii VIII Konventa RAMI: “Metamorfozy postkrizisnogo mira: novyi regionalizm i stsenarii global'nogo upravleniya”*, 25.04.2014 [The 8th Russian International Studies Association (RISA) Convention: “Metamorphoses of Post-Crisis World: New Regionalism and Scenarios of Global Governance”, April 25, 2014]. Moscow, MGIMO, 2014 (forthcoming).]
15. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах. *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3-х тт.* Под общ. ред. Иванова И.С., Москва, Аспект-Пресс, 2013. Т. III, сс. 11-44. [Vylegzhanin A.N. Pravovoe polozhenie Arkticheskogo regiona v dokumentakh [The Legal Status of the Arctic Region in Documents]. *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Khrestomatiya v trekh tomakh* [Arctic Region: Problems of International Cooperation. Reading-book in Three Volumes]. Ivanov I.S., ed. Moscow, Aspekt-Press, 2013. Vol. III, pp. 11-44.]

16. Соловьев Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета. *Пути к миру и безопасности*, 2013, no. 2(45), сс. 7-14. [Solov'ev E.G. Ambitsii sverkhderzhavnosti i konstanty suvereniteta [Ambitions Superpower Approach and Constant Sovereignty]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2013, no. 2(45), pp.7-14.] Available at: http://new.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2013/Puty2013_November.pdf (accessed 18.12.2013).
17. Rowe E.W., Blakkisrud H. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North. *Geopolitics*, 2014, 19:1, pp. 66-85. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14650045.2013.789863> (accessed 14.03.2014).
18. Ознобищев С.К. Военная деятельность приарктических государств. *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3-х тт.* Под общ. ред. Иванова И.С. Москва, Аспект-Пресс, 2013. Т. I, сс. 270-283. [Oznobishchev S.K. Voennaya deyatel'nost' priarkticheskikh gosudarstv [Military Activity of Arctic States]. *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Khrestomatiya v trekh tomakh* [Arctic Region: Problems of International Cooperation. Reading-book in Three Volumes]. Ivanov I.S., ed. Moscow, Aspekt-Press, 2013. Vol. I, pp. 270-283.]
19. Госдеп США: Заменить G-8 на другие форматы не получится. *Росбалт*, 2014, 25 марта. [The U.S. Department of State: to Replace the G-8 in Other Formats will not Work. *Rosbalt*, March 25, 2014 (In. Russ.)] Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/03/25/1248025.html> (accessed 25.03.2014).
20. Staalesen Atle. Hillary Warns Against Russia in Arctic. *Barents Observer*, 2014, April 3. Available at: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2014/04/hillary-warns-against-russia-arctic-03-04> (accessed 03.04.2014).

THE TRANS-ARCTIC IN THE CONTEXT OF RUSSIAN PRIORITIES

(MEMO Journal, 2014, no. 1, pp. 106-114)

Received 11.06.2014.

Ekaterina O. LABETSKAYA, Department of International Politics, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation (lbtskaya@imemo.ru).

In terms of the space concept, the prospects of Russia's new formats of global co-operation development through mutually beneficial transnational partnership in the Arctic are analyzed in the article. The possibility of implementation of Russia's Eurasian and Arctic advantages in the Trans-Arctic as the key element of global connection between Trans-Atlantic and Trans-Pacific spaces is considered. Until now the "Eurasian dividends" for Russia have been associated with strengthening of its positions in the Pacific Asia. However, the scale of Russian socio-economic and naval presence in this area does not allow the country to become a leader. The situation is completely different in the Trans-Arctic, where Russia's total capacity is equal to that of other Arctic states. Moreover, in the Trans-Arctic the "Eurasian factor" may become an "influence multiplier" for Russia. This refers to Russia's key role in the connection between Trans-Atlantic and Trans-Pacific through the logistic chain: Northwest Passage – Northern sea route – Eastern Siberia's river system – Trans-Siberian Railway. The Trans-Arctic may become a "testing ground" for neutralisation of attempts to isolate Russia from global governance, which appeared in G-8 dismantling. The initiation of a new structure with participation of global "extraregional" actors, first of all Russia's strategic BRICS partners, could become its efficient Arctic pivot. Special attention is paid to subjects of the multilevel governance over the Trans-Arctic, to aspects of connection between transnational spaces, to the potential conflictogenity of the Arctic macroregion, and to the problem of the sovereignty concept classical understanding transformation, which appeared in the Arctic context. The relevance of the topic stems from decisions of the RF Security Council special extended meeting (April 2014), which put the "qualitative strengthening" of Russian positions in the Arctic, "preservation of Russian influence" in the region, and "advancing of partners" as major priorities. The tendencies of the Arctic transnationalisation and of the Trans-Arctic formation indicate a serious challenge for the Russian expert community and policy-makers. On one hand, Russia cannot sacrifice its national interests and restrict its rights and powers in the areas, to which its sovereignty and jurisdiction extend. On the other hand, formation of a new global governance regime in the Arctic gives Russia a chance to strengthen its leadership in this polar area, since the socio-economic, political and reputation dividends brought by such regime might be extremely high.

Keywords: Arctic, globalization, UNCLOS, national interests, political space, regionalization, sovereignty.

About author:

Ekaterina O. LABETSKAYA, Cand. Sci. (Economics), Leading Researcher, Department of International Politics.

DOI:10.20542/0131-2227-2015-2-106-114